

**ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЧАТ-КОММУНИКАЦИИ
(антропонимический аспект)**

Статья посвящена изучению топологических признаков чат-дискурса, а именно его антропонимического аспекта. Анализируется словообразовательный процесс, который лежит в основе появления неологизмов, обозначающих пользователей компьютерными технологиями и чат-коммуникантов с ономаσιологической точки зрения.

***Ключевые слова:** чат-коммуникация, антропоцентр, топологические признаки чат-дискурса, концептуальная метафора пространства.*

***Реконвальд Н.В. Топологічні характеристики чат-комунікації (антропонімічний аспект).** Стаття присвячена вивченню топологічних ознак чат-дискурсу, а саме його антропонімічному аспекту. Аналізується словотвірний процес, який лежить в основі появи неологізмів, що позначають користувачів комп'ютерними технологіями та чат-комунікантів з ономасіологічної точки зору.*

***Ключові слова:** чат-комунікація, антропоцентр, топологічні ознаки чат-дискурсу, концептуальна метафора простору.*

***Rekonvald N.V. Topological features of chatroom communication (anthroponymical aspect).** The article deals with the study of the topological features of chatroom discourse, and namely its anthroponymical aspect. The word-building process that underlies computer-mediated communication neologisms is analysed from an onomasiological perspective.*

***Key words:** chatroom communication, anthropocentre, topological features of chatroom discourse, conceptual metaphor of space.*

Описание чат-дискурса и его текстового продукта следует начинать с характеристики топологических признаков данного вида общения. Под **топологическими**, вслед за Е.П. Белинской [3, 3], понимаем **признаки**, характеризующие:

- 1) участников,
- 2) пространство,
- 3) время общения.

Парадигматическая формульная запись этих признаков выглядит как: КТО? ГДЕ? КОГДА? общается. Та или иная конфигурация этих признаков до недавнего времени служила четким критерием дифференциации коммуникации на оппозитивные пары. Так, Е.В. Падучева противопоставляет (1) каноническую речевую ситуацию (2) неканонической, или нарративу, на основе того, что в (1) «есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени, могут видеть друг друга и жесты друг друга», а во (2) «нет подлинного говорящего с синхронным слушающим, нет момента речи» [14, 1]. При этом подчеркивается, что «говорящий – это не просто субъект речи, а **субъект речи в момент речи**» (выделено автором) [там же, 3].

Ю.М. Лотман, противопоставляя устное (не-текстовое) общение пись-

менному (текстовому), писал, что в отличие от письменного, в устном общении «адресат всегда присутствует налицо, обладает той же степенью реальности и конкретности, что и отправитель сообщения. Как правило, они расположены в некотором общем времени и пространстве» [12, 1].

Ван Дейк, сравнивая устный и письменный дискурс, сосредоточивался на письменном и, выделяя его дифференцирующие черты, указывал, что писатель, текст, читатель не находятся «в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени», как это имеет место при устном дискурсе между говорящим и слушающим [7, 122].

До недавнего времени согласно вышеперечисленным топологическим признакам коммуникация дихотомически членилась на устную VS письменную (каноническую VS неканоническую), (не-текстовую VS текстовую). Дифференцирующим признаком, в частности, было наличие/отсутствие общего времени и пространства, в которых действуют адресант и адресат. Появление компьютерно-опосредованной коммуникации нарушило сложившуюся более или менее четкую дихотомию. Изучаемая нами чат-коммуникация оказалась гибридом письменной и устной коммуникации не только по характеру языкового кода, но и по характеру топологических признаков.

Как пишет О.С. Иссерс, человеческое общение определяется коммуникативным контекстом, который складывается из психологических параметров личности, отношений между коммуникантами и коммуникативной ситуацией [8, 83]. Специфика чат-общения в огромной степени зависит именно от коммуникативной ситуации, в которой оно происходит. Вслед за толкованием Словаря социально-психологических понятий, под ситуацией понимаем «набор всех средовых и социальных условий, в которых происходит общение данной группы людей в *пространственно-временной перспективе*» (выделено нами – Н.Р.) [9, 98]. У. Эко называет такую перспективу «коммуникативными обстоятельствами <...> Сообщение не указывает на них, но в них разворачивается, осуществляется в конкретной ситуации, которая и наделяет сообщение смыслом» [18, 89]. Далее У. Эко уточняет, сколь велико влияние ситуации на сообщение: она меняет смысл, функцию и информативную нагрузку сообщения [там же, 90].

Наше исследование исходит из этой посылки: время и место чат-коммуникации в единстве с ее функциональным своеобразием оказывают кардинальное влияние на специфику общения в чате. Точкой пересечения оси времени и оси пространства в перцептивной, когнитивной и коммуникативной деятельности непременно является человек, поэтому фигуру коммуниканта определяем как антропоцентр всей координатной сетки, детерминирующей характер чат-общения. Как писал Э. Бенвенист: «здесь и сейчас ограничивают непосредственно данные место и время, тождественные по положению в пространстве и времени с речевым актом, содержащим «я» [4, 287].

Будучи реализованной в чат-дискурсе, парадигматическая формула «КТО? ГДЕ? КОГДА? общается» трансформируется в: «Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС».

Полагаем, что чат-коммуникацию в целом и ее топологические характеристики, в частности, следует рассматривать в трех измерениях: онтоло-

гическом, виртуальном и текстовом. Предпосылки данной гипотезы таковы. Чат-общение как коммуникативное взаимодействие имеет свои параметры. По утверждению Е.А. Селивановой, «первым из них является *онтологический*, который предполагает принадлежность участников коммуникации к определенной бытийной сфере, миру действительности» [16, 602]. Изучение чат-дискурса в *виртуальном* измерении продиктовано сущностной спецификой сетевого коммуникативного взаимодействия. В коллективной монографии «Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты» (2004) читаем: «Сеть имеет свойство одновременно быть и не быть, ее статус может быть определен как феномен, существующий лишь виртуально» [11, 77] и далее: «виртуальная реальность – это такая система отображения информации, при которой у пользователя возникает *ощущение* пребывания в мире» [15, 210], «виртуальная реальность – это *иллюзорно-чувственная квазиреальность*» [13, 329], в которой «вся полнота физической и социальной реальности *редуцируется* до набора отобранных признаков» [6, 86] (выделено нами – Н.Р.). Лингвокоммуникативное изучение чат-общения неизбежно обуславливает также наше обращение к *текстовому* воплощению всех составляющих топологической триады КТО? ГДЕ? КОГДА?

Антропоцентром в топологической триаде является фигура коммуниканта, т.е. человека, вступившего в чат-общение и выполняющего в нем роли адресата/адресанта. Мы полагаем, что человек участвует в нем, побуждаемый стремлением к психологически комфортному, преимущественно фатически мотивированному общению с невидимыми и неслышимыми, но в той или иной степени близкими по духу и интересам собеседниками. Обратим внимание на то, как обозначаются пользователи компьютерными технологиями. Наиболее общим термином выступает *digital citizen*, который можно приблизительно перевести как *житель электронного пространства*. Более узким обозначением оказывается *netizen*, т.е. пользователь не любого электронного способа коммуникации, а именно интернета. См.: «*netizens – regular citizens of the Internet*» [21, 2]. Точным переводом этого термина на русский язык служит слово – *сетянин*. Любопытен также и русскоязычный термин для обозначения активных пользователей чат-сервиса – *чатлане*.

Анализ словообразовательного процесса, который лежит в основе появления данных неологизмов, свидетельствует, что с ономаσιологической точки зрения все они базируются на концептуальной метафоре пространства, в рамках которой интернет трактуется как территория, а пользователь интернетом – как обитатель этой территории.

Лексическая семантика слова *citizen* складывается из комбинации двух компонентов: *житель* и *местность*. См.: *citizen – a native or inhabitant of a particular place* [26]. Образность номинативного словосочетания *digital citizen* базируется на двух метафорах и метонимии. Одна метафора проявляется в замене семантемы *деятель* на семантему *житель, обитатель: user → citizen (of internet)*. Другая метафора генетически предшествует первой, она читается как: [интернет = обширная территория]. Встраиваясь в

неологизм на правах семантемы «место» (*citizen = inhabitant + place*), эта метафора читается как [место, территория, где обитает некто, = интернет]. Оба образа [пользователь = *житель* (интернета)] и [интернет = *территория*], вербализуемые словом *citizen* (inhabitant of internet), скрепляются единым квалификатором *digital*, изначально характеризующим только интернет как средство связи. Перейдя на интернет как территорию, этот признак в конце-концов метонимически перемещается на обозначение жителя этой территории. Одновременно следует подчеркнуть, что в словосочетании *digital citizen* в семантическое взаимодействие вступает только один из двух компонентов значения *citizen*, поскольку признак *электронный* приписывается не *жителю*, но *пространству*, в котором тот якобы живет. Данное наблюдение подтверждает тезис, высказанный, Е.С. Кубряковой: «В сочетаниях прилагательных с существительными участвуют не столько значения как таковые, сколько некие входящие в них смыслы, концепты, доли значения» [10, 22]. В результате такого сплава смыслов расчлененная двусловная номинация по модели A+N *digital citizen* образно обозначает пользователя компьютерными (электронными) технологиями как жителя электронной местности.

Метафоричность неологизма *netizen* появляется иным путем. Исходное слово *citizen* подвергается трансформации: оно как бы разламывается по «морфемному шву» [1, 336] и корневая морфема *cit(y)*- заменяется окказиональной для данной модели морфемой *net-*. Узнаваемость неологизма *netizen* как переименованного *citizen* и аналогичного ему *denizen* обеспечивается добавлением соединительного *-i-* (между *net-* и *-zen*) для сохранения ритмического и слогового рисунка обыгрываемого слова. Кроме того, срабатывает «правильный вариант реализации компонентов сложнопроизводных новообразований», который по мнению психолингвистов Х. Кларка, В. Хехта и Р. Мулфорда, состоит в следующем: «базис (определяющий морфологическую категорию слова) занимает крайнюю правую позицию, ему предшествует признак» [20, 15].

Интересно, что русский эквивалент английскому *netizen(s)* – *сетянин*, *сетяне* образован по аналогичной словообразовательной схеме. Его исходным словом со всей очевидностью служит слово *земляне*, согласно С.И. Ожегову, это «жители планеты Земля» [25]. В свою очередь, лексема *Земля* содержит среди прочих также и сему «пространство, в котором можно жить»: «Земля – это страна, край, народ и занимаемое им пространство» [24, т. 1]. При образовании неологизма *сетяне* исходная корневая морфема *зем-* и суффикс *-л-* (*зем-л-*) заменяется корневой морфемой *сеть-*, в семантике которой окказионально акцентуируется сема *пространство, в котором можно жить*. Поскольку в обоих словах: *земляне* и *сетяне* наблюдаются идентичная последовательность гласных (е-я-е) и слогово-ритмическое сходство, эти лексические единицы легко прочтываются как родственные по смыслу, что делает словесную игру понятной и необременительной.

В неологизме *чатлане* замене подвергается только корневая морфема *зем-*, вместо которой подставляется ритмически близкое англоязычное за-

имствование *чат-*, в котором также актуализируется сема *пространство*. Суффикс *-л-* из *зем-л-яне*, хотя и утрачивает палатализацию [л'] → [л], все же сохраняется в новообразованном слове *чатлане*. В результате морфологическая и фонетическая форма обоих слов оказывается похожей, и по аналогии с землянами чатлане трактуются как обитатели некоторой территории – чата. Само слово удачно встраивается в единое словообразовательное гнездо «сетяне – чатлане». Следует также обратить внимание на то, что русскоязычное *чатлане* и англоязычное *chatliners* созвучны по форме, но различаются словообразовательной семантикой.

Краткость и семантическая прозрачность слов *чатланин*, *чатланка*, *чатлане* делает их удобными в речевом употреблении (ср. с *пользователь/посетитель чата*, *участник чат-общения*). Некоторое неудобство в применении термина связано с облигаторной маркировкой половой принадлежности чат-коммуниканта, что во многих контекстах оказывается для исследователя затруднительным или даже невозможным. В таких ситуациях даем альтернативное написание *чатланин/ка(?)*, что означает контекстуальную неопределенность относительно пола коммуниканта.

По уровню пользовательской квалификации [17, 146] участники интернет-общения разделяются на несколько групп, каждая из которых номинируется по-своему.

Одну группу составляют новички, которых в англоязычной практике называют традиционным словом *beginners* или окказиональным образованием *newbies*. Русскоязычная традиция приписывает им пренебрежительное название *чайники*. В эту группу входят те, чей опыт общения в чате исчисляется несколькими днями, неделями. Другую группу составляют более опытные пользователи, т.н. *chatliners*, превратившиеся в русском языке в *чатлан*, – пользователи сети интернет, регулярно общающиеся в чате на протяжении нескольких месяцев и более.

Отдельную группу образуют т.н. хакеры (*hackers* – знатоки компьютера и программного обеспечения) – пользователи, являющиеся специалистами в области программирования. Следует заметить, что в обыденном узусе слово «хакер» ассоциируется с криминальной деятельностью в сфере интернета: несанкционированным проникновением в компьютерные базы данных и т.д. Однако профессиональные программисты (хакеры) отмежевываются от тех, кого они называют *крэкерами*, т.е. тех, кто занимается собственно взломом компьютерных сетей (*to crack* – взламывать).

Обилие и разнообразие словесных новообразований, обозначающих участников сетевого общения, еще раз подтверждает вывод британского лексиколога В. Адамса [19] о том, что вхождение в узус новых слов обусловлено не только языковыми факторами (эвфония, краткость и меткость, семантическая прозрачность), но и внеязыковыми причинами, к примеру, социальной значимостью референта. Так, Р.В. Боднар, исследуя социолект подростков, утверждает, что англоязычный компьютерный жаргон, которым широко пользуются подростки, содержит целый ряд неологизмов – номинаций человека, дифференцированных по степени его компьютерной компетентности [5, 44]. Согласно данным компьютерного ресурса The Jargon

File, существует слово *peer-peer* для обозначения человека, который увлекается компьютером, но не входит в группу хакеров, *devo* обозначает члена группы развития, *demigod* – опытного хакера, известного своей ролью в создании какой-либо популярной компьютерной игры, и т.п. Жаргонное значение слова *wizard* – это тот, кто знает все о работе программного обеспечения, а особенно тот, кто может быстро найти и уничтожить вирусы [22]. Как видим, степень компьютерной грамотности есть объект рефлексии. Как правило, пользователь отдает себе отчет в том, сколь высок уровень его компетентности, и в зависимости от этого выбирает тот чат, в котором общение для него будет наиболее комфортным.

Отметим, что все вышеупомянутые обозначения чат-коммуникантов функционируют исключительно в метакоммуникативном дискурсе, т.е. в обсуждении чат-дискурса. В самом чат-дискурсе чатлане обращаются друг к другу по имени (т.е. нику) или, апеллируя ко всем участникам общения, пользуются общеязыковыми обращениями: *hi, everybody!, good bye all, hello, guys* или же очень распространенным чат-специфичным обращением “*hi, room!*”. Для пользователя чатом вступление в коммуникацию (всегда) и выход из нее (почти всегда) – это произвольные, «добровольные» действия, которые не являются результатом какого-либо принуждения извне. Без сомнения привлекательным моментом для чатланина служит полная свобода выбора коммуникативной деятельности, которую он реализует, вступая в чат-общение, предпочитая деятельность адресанта или адресата, влияя на развитие темы чат-разговора в интересующем его направлении. Сама непредсказуемость этого тематического развития сулит неожиданные повороты, а значит, развлечение, удовлетворение любопытства, нередко праздного. Возможно, однако, и обсуждение существенных для чатланина вопросов в формате: «У меня проблема, что посоветуете?»

Чат – это принципиально диалогическое, точнее полилогическое, общение с непрекращающимся, непредсказуемым и частым перемещением коммуникативной инициативы от одного участника к другому. По утверждению Дж. Серля, в реальном живом общении существует «три варианта поведения для говорящего: он может передать слово собеседнику, задав ему вопрос, может сделать паузу, предоставив возможность высказаться другим, а может продолжить говорить <...> его речь может быть бесконечна» [23, 12]. Кроме того, как замечает М.Е. Баскова, общение допускает одновременное говорение нескольких коммуникантов [2, 20]. В чат-общении, в отличие от контактного полилога, возможны только первые два варианта. В результате обязательной и частой смены ролей **антропоцентр в чате** – это, непременно, множество статусно равноправных «я», т.е. все пользователи чата, находящиеся в Сети в каждый данный момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажнюк Б.М. Орфографічні та орфоепічні англізми в українській мові // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя М. Кочергана. Збірник наукових статей. – К.: КНЛУ, 2006. – С.332-341.
2. Баскова М.Е. Прагмалингвистические и интеракциональные характеристики высказы-

- вания: Дис. ... канд. філол. наук: спеціальність – 10.02.04. – СПб., 1992. – 179 с.
3. Белинская Е.П. К проблеме групповой динамики сетевого сообщества // Тезисы второй Российской конференции по экологической психологии <http://www.psynet.by.ru/texts/bel1.htm> 2000.
 4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
 5. Боднар Р.В. Соціолект підлітків як субкультура сучасного лінгвосоціуму (на матеріалі англійської мови 90-х років ХХ – початку ХХІ століття): Дис. ... канд. філол. наук: спеціальність – 10.02.04. – К., 2007. - 273 с.
 6. Войскунский Ф. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. – Вып. 1. – М.: Смысл, 2002. – С. 82-101.
 7. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
 8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики устной речи / Издание третье, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. - 284 с.
 9. Коллектив. Личность. Общение / Словарь социально-психологических понятий. – Л.: Лениздат, 1987. - 144 с.
 10. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2002. – Т. 61. – № 1. – С.13-25.
 11. Кузнецов М.М. Виртуальная реальность – техногенный артефакт или сетевой феномен? // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 62-90.
 12. Лотман Ю.М. Устная речь в историко-культурной перспективе <http://www.philology.ru/linguistics1/lotman-92d.htm> 1992.
 13. Маньковская Н.Б. Виртуалистика: художественно-эстетический аспект // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 328-341.
 14. Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/htmp/Paducheva.htm> 2006.
 15. Севальников А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С.208-241.
 16. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. – Полтава: Довкілля-К, 2008. -712 с.
 17. Чугунов А.В. Политика и интернет: политическая коммуникация в условиях развития современных информационных технологий: Дисс. ...канд. философ. наук. – СПб, 2000. -179 с.
 18. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004. - 544 с.
 19. Adams V. An Introduction to Modern English Word-Formation. – Cambridge-Lnd.: Longman, 1973. - 276 p.
 20. Clark H.H., Hecht B.F., Mulford R.C. Coining Complex-Compounds in English: Affixes and Word-Order Acquisition // Linguistics. – 1986. –Vol. 24. – P. 7-30.
 21. Crystal D. Language and the Internet.– Cambridge: CUP, 2001.- 272 p.
 22. Jargon File, the. <http://www.ifla.org/documents/internet/jargon.htm> 2007.
 23. Searle J.R. Notes on Conversation // Contemporary Issues in Language and Discourse Process. – Hillsdale-New Jersey-Lnd.: Lawrence Erlbaum Associate Publishers, 1986. – P. 7-19.
 24. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: Русский язык, 1978. – в 4-х томах.
 25. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Издание восьмое. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 900 с.
 26. American Heritage College Dictionary, the. / Third Edition. – Boston-N.Y.: Houghton Mifflin Company, 2000. -1630 p.

Стаття надійшла до редакції 2.03.2014 р.